

ПУШКИН В ПОЭЗИИ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Сообщение Ивана Розанова

I

Собирание и изучение стихов о Пушкине имеет своеобразный и немаловажный интерес, хотя к сожалению до сих пор этому делу уделяется меньше внимания, чем оно того заслуживает. Совершенно очевидно, что многих произведений Пушкина нельзя понять и оценить без рассмотрения тех стихотворений его современников, с которыми они непосредственно перекликаются. Нечего уже говорить об ответных посланиях Пушкина (напр. Я. Толстому, Готовцевой, Гульянову и т. д.), требующих необходимых разъяснений о том, на что же именно они являются ответом. Но и помимо этого в произведениях Пушкина разбросано много беглых указаний и намеков на личные и литературные отношения, требующих расшифровки. И часто такой разъясняющий материал комментаторы находят, обратившись к поэтическому окружению Пушкина. Такие партизанские разыскания, производимые отдельными комментаторами, конечно очень нужны и полезны, но ограничиваться этим невозможно.

Однако это только одна сторона вопроса. Стихи о Пушкине заслуживают систематического и планомерного изучения и по той еще причине, что они являются исключительно благодарным материалом для разработки вопроса об освоении произведений Пушкина в сознании массового читателя эпохи. В этом плане они дают не менее (а иногда и более) данных, чем соответствующие отклики профессиональной критики.

Первыми обратили на это внимание библиографы Межов («Puschkiniana», СПб., 1886 г.) и Пономарев («Пушкин в родной поэзии», СПб., 1888). С этого же времени, т. е. с конца 80-х годов, стали появляться и сборники стихов о Пушкине, очень неполные и случайные по составу и потому не представляющие историко-литературного интереса. Составители их—Соколов, Божерянов и более поздние: Колчин, Аралова—или не ставили себе серьезных заданий, или были не в силах их осуществить, как например Аралова («Русские поэты о Пушкине», СПб., 1899), заявлявшая в предисловии, что цель ее была собрать в одной книге «более или менее все, что сказали о Пушкине в стихах современные ему и позднейшие поэты». Для этой цели она производила разыскания по журналам и собраниям произведений различных писателей, что, по ее словам, потребовало «не мало времени и труда». В критику при этом составительница «вовсе не вдавалась», вполне справедливо считая, что и слабое по форме стихотворение может представлять интерес для будущих исследователей историко-литературных вопросов, связанных с именем Пушкина. В результате составилась сборничек в 38 стихотворений. И это за громадный промежуток с 1815 года по 1899 год! Уже одна эта мизерность числа показывает, что составительница не представляла себе всей грандиозности поставленной перед собой задачи. Она не использовала даже библиографических указателей Межова и Пономарева, где было около 120 номеров стихотворений.

Первым, кто, осознав «большое историко-литературное значение» такого собирательства, серьезно и энергично принялся за осуществление этого дела, был Каллаш. В том же юбилейном году и под тем же заглавием, как Аралова, он выпускает свой сборник, куда включает не только стихотворения, целиком относящиеся к Пушкину, но и отдельные места и упоминания о нем в других произведениях, а также пародии и явные подражания, словом, намеревался дать исчерпывающий материал. Кроме того, что имелось в указателях Межова и Пономарева, он поместил еще 94 стихотворения за тот же период, пропущенных указанными библиографами. Но и он поддался наивному самообольщению, думая, что им охвачен

почти весь материал. «За указание пропусков,—заявлял он,—будем очень благодарны критике, хотя смеем думать, что их не так уж много».

Сейчас же после выхода в свет книги Каллашу пришлось, по его собственному признанию (см. его «Puschkiniana», в. I, стр. 40), раскаться в этих словах. Ряд пропусков указан ему был другими, но еще больше стал он находить сам, продолжая свои розыски по журналам и стихотворным сборникам. Через несколько лет, подводя итоги пушкинскому столетнему юбилею, он нашел возможным в двух выпусках своей «Пушкинианы», вышедших в 1902 и в 1903 гг., дать не только собрание стихов юбилейного года, но и существенные дополнения к материалу своей первой книги; но теперь он обнаружил у себя уже 213 произведений, пропущенных в его собственном сборнике, т. е. более чем вдвое по сравнению с числом пропусков, обнаруженным им ранее у Пономарева, и задачу свою не считал уже законченной, но предполагал близкую осуществимость ее полного разрешения. «В ряде дополнений мы добьемся не только относительной,—заявлял он («Puschkiniana», в. II, стр. 101),—но и абсолютной полноты».

В 5-м выпуске академического издания «Пушкин и его современники» он начал публиковать свои дополнения (помещено еще 5 стихотворений), но потом очевидно отвлекся другими заданиями.

Каллаш не ограничился только содержанием материала и кратким комментированием его; он первый начал и разработку этого материала в статье «Поэтическая оценка Пушкина современниками». К сожалению эту статью нельзя не признать односторонней и методологически неправильной.

Первая цель нашей работы—дать библиографический список дополнений к Каллашу. Некоторые пропуски у него (напр. отсутствует «Сашка» Полежаева) объясняются простым недосмотром, другие объясняются неимением под руками соответствующих источников: некоторых редких изданий он очевидно не просматривал; наконец несколько стихотворений найдены нами в рукописи и до сих пор в печати не появлялись.

Вторая наша цель—дать некоторые выводы и общие наблюдения, которые сами собой напрашиваются при просмотре грандиозного материала, собранного Каллашом.

Мы ограничиваем пока свою задачу только стихотворениями до 1840 г.

II

Просматривая сборники Каллаша, легко можно заметить, что громадное большинство стихотворений идет по линии безусловного восхваления Пушкина, начиная от простого упоминания его имени при перечислении лучших или любимых русских поэтов или сочувственного цитирования отдельных его строчек и выражений и кончая сплошным славословием. Надо принять во внимание, что поводом к изданию первого сборника был предстоявший столетний юбилей, а третий сборник (или 2-й выпуск «Пушкинианы») главным образом старался подвести итоги этому юбилею. «Перед мощью гения умолкали зависть и соперничество, личные счеты и литературные предрассудки,—писал составитель в предисловии к книге «Русские поэты о Пушкине».—Дружно несутся хвалебные гимны из разных литературных лагерей... Его воспевают классики Катенин и гр. Хвостов, сентименталист Шаликов, народолюбец Глинка и вся пушкинская плеяда». Отклики поэтов имели не малое значение и для самого Пушкина. «Когда русское общество, подхваченное новой волной романтического течения, охладело к реальной музе своего прежнего любимца, поэты не изменили ему. Только у них находил он поддержку в самые трудные минуты своей многострадальной жизни. Это, несомненно, самая светлая страница его личной истории». Таким образом Каллаш резко подчеркивает разницу в отношениях к Пушкину «русского общества», увлеченного «новой волной романтизма», и поэтами. Это отзывается романтической концепцией «поэт и толпа» и вызывает ряд недоуменных вопросов. Разве поэты не принадлежали к «русскому обществу» и разве они не поддались увлечению этой волной романтизма? И как можно было, тяготея к романтизму, одобрять все больший и больший поворот Пушкина к реализму?

В статье «Поэтическая оценка Пушкина современниками» («Puschkiniana», в. II) Каллаш несколько разъясняет свою мысль. «Поэты,—пишет он,—не изменяли своему признанному главе. Многих из них влекло к Пушкину непросветленное сознанием внутреннее чувство, которое шло в разрез с установившеюся системою мнений... придерживаясь изжитых и осужденных на бесславное вымирание литературных форм и приемов,—они как более чуткие все-таки натуры преклонялись перед гением, в словах которого звучала новая, таинственная, непонятная поклонникам и тем

более привлекательная правда. Немногие старались и умели попевать за быстрым ходом развития поэта, идти с ним в ногу. Благодаря всему этому дружно несутся хвалебные гимны из всевозможных поэтических лагерей, которые заглушают редкое и бессильное шипение вражды и позднее скрашивают заметное охлаждение среднего читателя к своему прежнему любимцу.

Здесь вместо «русского общества» — «средний читатель», но это мало объясняет дело. Выходит, что для поэтов Пушкин всегда был и оставался кумиром, у «среднего читателя» преклонение сменилось равнодушием, а от кого же исходило «шипение вражды», так успешно заглушаемое «хвалебными гимнами» поэтов? И что это было за «шипение»? В каких формах оно выражалось? Чем вызывалось? По Каллашу, оно служило только для вящей славы поэта — так оно было неудачно — и вызывалось личной враждой. «Самые ярые враги великого поэта решались обвинять его произведения в безнравственности и грубости, но не огрицали всей глубины и мощи творческих сил» (Предисловие, IV). Каллаш старается включить в свои сборники и «все эпиграммы на Пушкина». Значение их он объясняет так: «Они очень характерны для наших старинных литературных нравов и полемических приемов и, кроме того, доказывают, как мало могли сказать против Пушкина самые непримиримые литературные враги, озлобленные его убийственными эпиграммами и полемическими статьями».

Вероятно таким взглядом на эпиграммы следует объяснить тот факт, что в своей статье «Поэтическая оценка Пушкина современниками» Каллаш говорит исключительно только о положительной оценке, только о «хвалебных гимнах», ни словом не заикаясь об эпиграммах, как будто их и не было, хотя сам в своих сборниках привел их не мало.

Знакомство с этими эпиграммами убедит нас, что «враги» упрекали Пушкина не только в «безнравственности» и «грубости», но и в отсутствии «глубины» и в малосодержательности. В эпиграмме на Пушкина и Баратынского, выпустивших в 1829 г. свои поэмы «Граф Нулин» и «Бал» в одной книжке, книгопродавецкий успех этого издания объясняется только известностью их авторов.

Ах! Часто вздор плетут известные нам лица,
И часто к их нулям мы ставим единицы.

Или отзыв о «Борисе Годунове»:

И Пушкин стал нам скучен
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.
«Бориса Годунова»
Он выпустил в народ:
Убогая обнова —
Увы! — на новый год!

«Евгений Онегин» вызвал между прочим такие строки по адресу героев романа и его автора:

...о неге и о лени
Мне любопытно ли читать?
Большая надобность мне знать,
Что нежатся они, ленятся...
Зачем, быв в летах молодых,
Для общей пользы не трудятся...

Интересно было бы знать, кто же, по мнению Каллаша, авторы всех этих эпиграмм — «средние читатели» или «поэты»? Во всяком случае совершенно игнорировать такие отзывы в статье, посвященной оценке Пушкина современниками, было крупной ошибкой, давшей неверную идиллическую картину и сузившей нацеленную тему до гораздо менее интересной — «Хвалебные гимны о Пушкине».

Каллаш упустил также из виду, что кроме эпиграмм есть и другое оружие литературной борьбы, часто более тонкое и острое, чем прямая насмешка, — это пародия. Значение ее при литературных сдвигах и отталкиваниях громадно. Снижение стиля не всегда носит характер простой шутки, как например в четверостишии Илличевского, пародирующем «Демона» Пушкина, но часто отражает борьбу социальных групп и их идеологий. Каллаш включал в свои сборники и пародии, не подзревая всей ценности этого материала при определении отношения к Пушкину его современников. Интересны и возражения Пушкину, оспаривания его положе-

ний, выражение в стихах несогласия с ним. Так например, пессимистическое стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» вызвало, как известно, два отпора в стихах охранительно благочестивого характера со стороны Ключникова («Дар мгновенный, дар прекрасный») и митрополита Филарета («Не напрасно, не случайно»).

Подобный материал Каллаш вводил в свои сборники, но совершенно забыл о нем в своей статье, принимаясь за характеристику отношений к Пушкину его современников.

Рассмотрев взаимоотношения Пушкина с его литературными друзьями и поклонниками, Каллаш приходит к выводу, что в стихах его современников ясно выразилось «преклонение перед мощью гения» и «довольно тонкое понимание его своеобразных отличий».

Выходит, что весь литературный путь Пушкина до самого конца был таким же триумфальным шествием, каким он был в период «Руслана» и байронических поэм, как будто совсем не существовало того «охлаждения к Пушкину», которое так явно обозначилось в начале 30-х годов и продолжалось до самой смерти поэта... «Полтава» и 7-я глава «Онегина» были, как известно, той гранью, за которой началось это охлаждение.

Неужели это не нашло себе стихотворного отражения? Таких стихов было может быть немного, но все же они были. Кроме враждебного и пренебрежительного отзыва об «Евгении Онегине» Бестужева-Рюмина (отзыв этот включен Каллашем в его сборник) можно указать еще несколько отзывов, оставшихся Каллашу неизвестными. В журнале «Галатея» (1829, VII) помещена была пародия «Иван Алексеевич или новый Онегин», где в конце читаем следующие строки:

...все тут есть: и о преданьях,
И о заветной старине,
И о других и обо мне!
Не назовите винегретом,
Читайте далее,—а я
Предупреждаю вас, друзья,
Что модным следую поэтам.

Один из главных застрельщиков против «VII главы Онегина»—Фаддей Булгарин—в своей рецензии разразился стихами.

«...Какое же содержание этой VII главы?—говорит он.—Стихи Онегина увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?
Ну как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
«В Москву, на ярмонку невест».
Мать плачется, скучает дочка...
Конец седьмой главе—и точка».

(«Северная Пчела» 1830, № 35.)

Но гораздо красноречивее другой факт, доказывающий, что это всеобщее «охлаждение» отразилось и на поэтах. Любопытно с этой точки зрения произвести статистический подсчет по годам помещенным у Каллаша стихотворениям. Наибольшее число приходится на 1826 до 1830 гг., приблизительно по 16—17 стихотворений на год; в 30-е же годы число это катастрофически падает: 4, 2, 1 стихотворение в год. Подсчет этот конечно неточный, датировка некоторых стихотворений приблизительна, но общая картина именно такова. Красноречива и такая деталь: в то время как «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Евгений Онегин» и ряд других произведений Пушкина обычно сейчас же находят себе стихотворные отклики, злополучная «Полтава» встретила холодный прием не только в журнальных рецензиях. В сборниках Каллаша кроме четверостишия Шаликова («Русские поэты», стр. 38) мы не нашли больше упоминаний об этой поэме, сделанных при жизни Пушкина. Только трагическая смерть поэта сразу вернула к нему утраченные симпатии, и притом в десятикратном размере. Тогда многие поэты (Стромилов, Креницын, Ф. Глинка, Ахлопков, Лихачев) сочувственно отозвались и о «Полтаве».

III

Внимательнее присмотревшись к материалу, даваемому Каллашом, легко можно было бы сделать несколько общих наблюдений и любопытных выводов.

Прежде всего бросается в глаза, что современные Пушкину поэты в своих поэтических откликах воспринимают его исключительно как поэта, а не как прозаика. До самой смерти Пушкина мы не находим у них решительно никаких упоминаний о «Капитанской дочке», «Повестях Белкина», «Пиковой даме». Повторяем, если впоследствии и найдены будут стихи с такими упоминаниями, общая картина не изменится. Такое явление нельзя объяснить тем, что будто бы поэты охотнее откликаются стихами на стихи и неотзывчивы к прозе. Мы имеем много стихотворений о Гоголе, Тургеневе, Достоевском; есть даже стихи о Гончарове и о Щедрине. «Герой нашего времени» тоже имеет стихотворные отклики. Лермонтов воспринимался и как поэт, и как прозаик, только в сознании современников Пушкина великий поэт целиком заслонял Пушкина-прозаика.

Можно также наглядно убедиться в том, какие из произведений Пушкина производили наиболее сильное впечатление и вызывали наибольшее количество откликов. До «Руслана и Людмилы» Пушкин был знаменитостью только среди лицейских товарищей и в тесном литературном кругу. Первым приветствовал его Дельвиг, назвавший в своем известном стихотворении «Кто как лебедь цветущей Авзонии» (1815) своего шестнадцатилетнего друга певцом «бессмертным». За три года (1815—1817), судя по сборникам Каллаша, мы имеем 7 стихотворений, фактически же 4, так как из этого числа 3 относятся к лицу вообще, а не к Пушкину в частности. Настоящая слава начинается с 1818 г. и связана с успехом поэмы «Руслан и Людмила» еще до ее напечатания. Кюхельбекер, Яков Толстой, Федор Глинка в своих «посланиях» наперерыв торопятся выразить свое восхищение; Кюхельбекер называет своего лицейского собрата «певцом Руслана»; вслед за тем обозначение «певец Руслана и Людмилы» прочно и надолго приклеивается к Пушкину, хотя уже довольно скоро оно стало звучать анахронизмом. Очень характерно для Языкова, что он в 1826 г., когда уже стали известны первые главы «Онегина», в своем стихотворении «Тригорское» продолжает величать Пушкина «певцом Руслана и Людмилы».

Из персонажей этой поэмы больше всего повезло у поэтов, после главных героев, Черномору: он упоминается в нескольких стихотворениях: и у Филимонова, и у неизвестного автора, подписавшегося «Улан-Поселянин» (см. Каллаш. «Рус. поэты о Пушкине», стр. 37 и «Puschkiniana», 4, I, 61), и в ускользнувшем от внимания Каллаша стихотворении Ив. Сулова «Укор ревнивцу».

Стихотворная полемика, эпиграммы в защиту поэмы еще более знаменуют ее успех.

Много откликов у поэтов нашли себе также две последующих поэмы Пушкина— «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Бесчисленные подражания первой из них вроде «Киргизского пленника» и т. д. не подлежали конечно вниманию Каллаша, но пародии включались в план его собирательства. Вот почему отсутствие у него таких пародий, как «Московский пленник» и «Калмыцкий пленник», является конечно пробелом.

Вот начало этой пародии:

МОСКОВСКИЙ ПЛЕННИК

Повесть в стихах

В обширных комнатах, на стульях,
Друзья веселые сидят.
Как пчелы лакомые в ульях
Они жужжат, они шумят.
Сыны безделья говорят
О наслажденьях жизни вольной,
О чаше светлой и раздольной,
О даме пик, о двойке треф,
О красоте московских дев,
Вспоминают их напев
И восхваляют град престольный,
Текут часы, часы утех... и т. д.

(Ф. С—в. «Московский пленник». М., 1829.)

«Бахчисарайский фонтан», Мария и Зарема стали у поэтов почти обязательным литературным воспоминанием при передаче ими в стихах своих крымских впечатлений, в частности впечатлений от Бахчисарая. Реже упоминаются «Цыгане». О «Графе Нулине» нашли мы 8 строк к книжке И. Б. «Уехал друг» (М., 1828). У Каллаша этого нет. Здесь автор критикует Пушкина как охотник и обыватель.

...Есть роман Граф Нулин,
 В нем про охоту говорят
 Невыгодно—и тем он дурен—
 Я не скажу, как сей чудак:
 «Прости, жена, не жди к обеду!»
 Охотник я, но не дурак,
 То повторю жене: «приеду
 И, может, с тощим животом,
 То сладким угости столом».

Стихи о Пушкине вполне подтверждают то мнение, которое установилось в последнее время, что своим литературным успехом Пушкин гораздо более был обязан своим поэмам, чем лирике. Очень немногие из лирических стихотворений Пушкина («Демон», «К морю», «Дар напрасный, дар случайный», «Черная шаль» и др.) имеют отклики в сборниках Каллаша.

IV

Совершенно исключительное внимание, несравнимое с другими произведениями Пушкина, имел у поэтов «Евгений Онегин». По числу упоминаний и по степени возбуждаемой симпатии на первом месте из героев романа стоит Татьяна, Ленский же фигурирует крайне редко. Только смерть Пушкина по аналогии напомнила про этого певца «неведомого и милого», сраженного, как и Пушкин, «безжалостной рукой» (Лермонтов). Необычайно удачно применены к самому Пушкину его строки о Ленском в эпиграфе к стихотворению Сулова «Полевой цветок на могилу Пушкина». Но к этому стихотворению мы еще вернемся. Более раннее упоминание о Ленском найдено нами в первой главе из стихотворного романа Н. Н. Муравьева «Ленин». Глава эта первая (и последняя) носит особое заглавие «Котильон» (М., 1829). Здесь есть сравнение героя романа Ленина с пушкинским Ленским:

Разнеженный, полувлюбленный
 С своей Нинетой бесценной,
 Как Ленский Пушкина живой,
 Кончаег быстро Ленин мой
 Вальс общий. Чувства неземные
 Бушуют в нем.

(Еще упоминание о Ленском есть в шуточном стихотворении «От классиков — Пушкину». — Каллаш. «Русские поэты», стр. 40.)

Ольга встретилась только в одном стихотворении, помещенном в «Северном Меркурии» за 1831 г. и также ускользнувшем от внимания Каллаша. — в отрывке из поэмы И. Косаревского «Именины», где автор обещает читателям реабилитировать перед ними образ Ольги, несправедливо, по его мнению, заслоненной по воле Пушкина Татьяной.

Пусть Ольга Пушкина румяна,
 И потому не так мила,
 Как часто грустная Татьяна
 Прелестной бледностью чела.
 Но вас любовью идеальной
 Поэт увлек, читатель мой;
 Он, как волшебник над душой,
 И вы с Татьяною печальной
 Забыли Ольгу... Но она
 В Алине будет вам видна.

Показателем популярности Татьяны может служить то, что о ней упоминают поэты по самым разнообразным поводам: один пишет мадригал какой-то Марии и в этом мадригале выражает сожаление, зачем Пушкин вывел героиней Татьяну: стоит ли ей занимать Россию, вот если бы он воспел эту Марию, «поэма Пушкина прелестнее б была» («Пушкин и его современники», в. V, стр. 117); другой осуждает сон Татьяны: не надо быть гением, чтобы описывать «невероятности такие» (Каллаш, I, 84); третий, описывая Тверской бульвар, выводит Каченовского, который характеризуется как «классицизма жрец седой» и как враг «певца Татьяны» (там же, I, 101); четвертый, восхищаясь кабинетом своего приятеля, похожим на кабинет Онегина, жалеет, что в кабинете этом недостает Татьяны (там же, I, 109). Мы

видим, что реальные и вымышленные лица сближаются, уравниваются, как бы меняются местами. Это прием самого Пушкина (когда Татьяну стали вывозить на собрания, «к ней как-то Вяземский подсел»). Другой прием: введение в свой роман персонажей и произведений чужого авторства («мой брат двоюродный Буянов») тоже не остался без отклика.

Автор «Опасного соседа» отблагодарил племянника за Буянова введением в свою повесть «Капитан Храбров» упоминания о Татьяне Лариной (у Каллаша пропущено). Соседка, посетившая Храброва, рассказывает ему между прочим:

Я очень занимаюсь чтеньем
И романтизм меня пленил,
Недавно Ларина Татьяна
Мне подарила Калибана.

Упоминания об «Евгении Онегине» в стихах современников Пушкина встречаются очень часто, обычно с похвалой, изредка с осуждением, но каждый раз речь идет о произведении под этим заглавием, а не о главном герое. Каллаш поместил эпиграмму Сергея Глинки, заимствовав ее из книги о Сумарокове (Каллаш. «Русские поэты о Пушкине», стр. 60), датируя ее очень неопределенно: «до 1837», т. е. до смерти Пушкина, так как автор Сергей Глинка припоминал, что напечатал эпиграмму еще при жизни Пушкина и сам читал ему. В сноске Каллаш говорит: «нам не удалось разыскать, где напечатаны эти стихи». Пользуемся случаем указать, где и когда. Эпиграмма Сергея Глинки появилась в Альманахе «Эхо», М., 1830, на стр. 102, с опечаткой в заглавии «Сочинителя Евгения Онегина», в оглавлении правильно: «Сочинителю» и т. д. Текст ее отличается от того, что имеем у Каллаша. Поэтому приводим это четверостишие целиком:

Мертвого света ты живописец,
Кистью рисуешь призрак людей.
Что твой Онегин — Он летописец
Моды забавной безжизненных дней.

Разночтения видим в первом и четвертом стихе. К последней строчке имеется авторская сноска, отсутствующая у Каллаша: «Le grand monde est un chaos, сказал Ж. Б. Руссо».

В пародии «Иван Алексеевич или новый Онегин» («Галатей» 1829, VII) осмеивается не герой: у Ивана Алексеевича почти ничего нет общего с Онегиным, а содержание и композиция романа, которые казались слишком непривычны.

Опубликованное по рукописи в 1917 г. («Пушкин и его современники», в. XXVIII) стихотворение Н. Данилевского 1837 г. интересно тем, что здесь дана одна из самых ранних характеристик пушкинского героя, как мы видим, довольно поверхностная. Онегин характеризуется как «пышный удалец»:

И хват, и франт, и волокита,
Наследник всех своих родных,
Помещик, барин домовитый.

В стихотворной пьесе Трилуного «Онегин и Татьяна», появившейся в 1830 г., т. е. еще до окончания пушкинского романа, Онегин очень схож с Чацким. Характерно, что в число действующих лиц включена и грибоедовская Хлестова. Онегин поочередно стыдит и изобличает своих собеседников... Расставшись с Петушковым, надоевшим ему соседом Лариных, Онегин, в ожидании встречи с Татьяной, цитирует Пушкина:

Теперь Татьяна, друг мой милый,
Появись как яркий день,
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Сосед Лариных Петушков совершенно искажен у Трилуного: это не «уездный франтик», как у Пушкина, а сутяга-помещик.

В стихотворных откликах и оценках мы находим не только характеристики (или упоминания) различных персонажей романа, но и отдельных глав романа. И не удивительно: роман выходил по главам, что как новый авторский и издательский прием обращал на себя особенное внимание. У Каллаша мы находим несколько стихотворных откликов с точной фиксацией главы, например в заглавии читаем «М. Л. Б.—ой с препровождением третьей части Онегина» или у Шаликова—«Евгений

Онегин. Глава вторая», где дается сравнение первой главы со второй, а конечный вывод пророческий: «двух глав в два века не забудут», у Великопольского есть биографический момент. Его злополучные два стиха

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

взбесили Пушкина и обострили конфликт между ними. Выше мы приводили и шестистишие Булгарина, иронически передающее содержание седьмой главы.

Главы «Онегина» разделили судьбу пушкинских поэм: наибольший успех у современников имели более ранние. Оценка посмертная внесла сюда ряд существенных коррективов.

Характерно, что и пародия «Иван Алексеевич», и такие полуподражания-полупародии, как «Сашка» Полежаева и «Евгений Вельский», пародируют первую главу.

V

И лирические отступления романа воспринимались современниками Пушкина иначе, чем потомством, если судить по отношению к ним в русской поэзии.

У позднейших поэтов мы часто находим цитаты такого рода: «Блажен, кто смолоду был молод», «А счастье было так возможно» (то и другое из VIII главы), т. е. все больше элегические афоризмы. Современники же в певце Онегина и Татьяны никак не могли забыть «певца Людмилы и Руслана» и всего острее воспринимали Пушкина как автора первой главы и воспринимали его как «балагура» (выражение В. Л. Пушкина в 1816 г.) или как «Парнасского шалуна» (выражение Рыльева).

Лирические отступления первой главы имеют огромное число отражений в стихах пушкинских современников. Сокольницкий житель (Каллаш. «Puschkiniana», I, 108) в восторге от обстановки и убранства петербургского кабинета Онегина. Полежаев с упоением цитирует пушкинские строки:

Я вечно помнить буду рад:
«Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд».

Следующие затем пушкинские строки о женских ножках нашли себе совершенно невероятный резонанс. Вот чем Пушкин особенно угодил людям своего круга и воспитания! На все лады, с постоянной оглядкой на Пушкина начинается восхваление стройной и маленькой женской ножки. Едва ли не запевалой в этом хоре был пресловутый князь Шаликов, который в своем «Дамском Журнале» (1825, № 8) поместил свое послание «К А. С. Пушкину на его отречение легь женщин». Шаликов не верит искренности этого отречения, потому что Пушкин

Лишь только женщин отбранит,
Как вдруг неволью с восхищеньем
О ножках, лучшей красоте
Роскошно-томного Востока,—
Своей прелестнейшей мечте,
Вспомняв, в мгновенье ока
У н о ж е к с лирою златой!
И ножки женщины, конечно,
Не хуже головы мужской,
Набитой спесью, чванством вечно,
И тем не менее—пустой!

Необычайно видеть восхваление ножек в стихах «На кончину».

«А ножка, ножка, Пушкина мечты!» восклицает М. Демидов, вспоминая в элегии изящество покойницы («На кончину ***») — Каллаш. «Puschkiniana», I, 119). Князь Вяземский ставит вопрос, что изящнее—ножки варшавянок, или их обувь. В Варшаве много

...ножек стройных,
Мой Пушкин, строк твоих достойных
И так обутих, что едва ль
Их обнажить было б не жаль.

(Каллаш. «Puschkiniana», I, 81.)

Миниатюрность ножек доводится у некоторых до комизма: они «немного больше чайных ложек», не ножки, а «ноженочки». Н. Медведенко в довольно плохих стихах воспеваеа «московскую девушку» Катеньку

...ножкой своей миленькой
Чуть трогая паркет,
С такой танцует легкостью,
Как будто ее нет.
Я этим двум ноженочкам
Подобных не видал;
И лучше б—клянусь честью—
Сам Пушкин не желал.

Нет недостатка и в пародиях. Скоро после появления первой главы «Онегина» в «Благонамеренном» печатается стихотворение «Ангелике», где восхваляются ручки («О ручки, ручки золотые!») и в примечании указывается «к сочинению сих стихов дало повод автору прекрасное обращение к ножкам в поэме Евгений Онегин» (Каллаш. «Puschkiniana», I, 62).

В 1834 г. под псевдонимом «Касьяна Русского» выходит в свет отдельной книжкой пародийная повесть «Две гробовые жертвы». Здесь, следуя вообще за Пушкиным в описании героини, автор старается быть игривым.

.....
Была маркиза молодая
Долин Прованса лучший цвет,
Красавицей в семнадцать лет,
Короче,—вот ее портрет:
Стройна как тополь полевая,
Бела как лилия, как снег...

.....
Читатель может заглянуть
В любой роман и ряд жемчужных
Прибавить от себя зубов...
И негой дышущую грудь
И пару востроносых ножек,
Немного больше чайных ложек,
За Пушкиным в счастливый путь,
Еще прибавить что-нибудь
По вкусу своему и нраву,
Что по цензурному уставу
Здесь, спотыкаясь и скользя,
Мне высказать никак нельзя.

В том же году выходит роман в стихах Н. Карцова «Семейство Комариных», где автор обнаруживает довольно тяжеловатую игривость.

Хоть я женатый человек,
Но признаюсь тебе, читатель,
Я милых ручек обожатель.
В наш просвещенный умный век
Об ножках много говорили,
Их Пушкин по свету пустил,
Он пару ножек расхвалил—
За ним их сотни расхвалили.
Но согласись, читатель мой,
Что в ножке башмачек пленяет,
А ручка просто восхищает
Своей открытой красотой.

Но «ручкам» не так повезло в русской поэзии, на смену пушкинским ножкам входят в моду бенедиктовские кудри («кудри девы-чародейки»), вызвавшие тоже ряд подражаний, но эта мода скоро проходит, а затем другие времена, другие песни: являются другие мерилa для выражения женской привлекательности.

VI

В своей статье «Поэтическая оценка Пушкина современниками» Каллаш во многих местах касается и личных отношений поэтов к Пушкину, но—согласно своей

общей тенденции все сводить к миру, благоволению и восторгу—исключительно только дружеских. Только вскользь (стр. 53), явно не желая омрачать своего празднично-юбилейного настроения, упоминает он о каких-то «невероятных, позорящих слухах», распространяемых так называемыми «приятелями», при чем в примечании называет по имени одного из таких лжеприятелей—Аркадия Родзянко. Выходит необычайно просто: Пушкин бывал не раз «жертвой клеветы и мстительных невежд», что еще выше поднимает его ореол и должно усиливать симпатии к нему как к человеку. Конечно такая елейная точка зрения совершенно не учитывает всей сложности и разнообразия человеческих взаимоотношений. Мы знаем, что и Пушкин не всегда был прав. Ивана Ермолаевича Великопольского нельзя отнести ни к разряду «клеветников», ни к «мстительным невеждам», личная репутация его стоит очень высоко, и в его конфликтах с Пушкиным, история которых теперь достаточно известна, беспристрастные исследователи (Модзалевский и другие) склонны становиться на сторону Великопольского.

В своей статье Каллаш совсем не упоминает Великопольского, в сборниках же есть несколько его стихотворений о Пушкине, но нет двух самых интересных. В одном «Пушкину по прочтении некоторых из его сочинений» (1828) этот современник великого поэта затрагивает тему о Пушкине и маленьких поэтах, к каким конечно причисляет и себя. Для них читать Пушкина не только «радость», но и «мученье». Какой смысл в их творчестве, если рядом существует такой гигант? Сравняться с ним невозможно, а в таком случае стоит ли писать? Приведем конец этого стихотворения.

Но, Пушкин, послан ты меж нас
Поэтам в радость и мученье!
Твой вдохновенный дивный глас
Вливает в сердце упоенье.
Тебе во сретенье иду,
К тебе наполненный хвалою,
И не один я пред тобою
Перо задумчиво кладу.

В 1836 г., по прочтении первых трех томов посмертного издания сочинений Пушкина, где Великопольский нашел неожиданно для себя неизвестную ему эпиграмму на него Пушкина, он пишет памяти поэта стихотворение «Мое мщенье», где в начале дает резко отрицательную характеристику обидчику:

Собраньем разноцветных зол
Весь окружившийся, как рамой,
Кого ты в жизни не колол,
Кого не резал эпиграммой!
И я попал под острие
Неугомонное твое.

Но вслед затем Великопольский сейчас же и оправдывает Пушкина:
Ты был поэт и ты по праву
Других расценивал стихи...

Мсть Пушкину будет заключаться в восхищении перед его творчеством при забвении всех личных обид:

...без злопамятья и зноба,
Которым бьет другого желчь,
У твоего я стану гроба;
Твою восторженную речь,
Твои восторженные грезы
Себе на память приведу
И, уронив на прах твой слезы,
Довольный мщеньем отойду.

VII

Особый интерес в списке наших дополнений представляют пять стихотворений: Перцова, Милькеева, Крапоткина, Степановой и К. Б., печатаемые с рукописи, и два стихотворения на смерть Пушкина, затерянные в редких сборниках стихотворений «Эхо берегов Сосны» Ивана Сулова и «Стихотворения унтер-офицера Лихачева». Во второй из названных книг в примечаниях есть интересные указа-

ния биографического характера: по словам составителя этого примечания, Пушкин, в бытность свою в Москве у князя Шаликова, изъявлял желание познакомиться с этим Лихачевым. Стихотворение Степановой как произведение неизвестного автора было приведено в «Воспоминаниях Андрея Мих. Достоевского»: оно нравилось братьям Ф. М. и М. М. Достоевским, и они это стихотворение знали наизусть и не раз декламировали («Воспоминания А. М. Достоевского». Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, стр. 79).

Эти семь стихотворений, а также примечания о Лихачеве и о его отношении к Пушкину считаем нужным привести целиком. Об остальных произведениях даем только необходимые библиографические сведения в списке.

Принципы отбора материала те же, что и у Каллаша, с двумя только исключениями: не включались в список те произведения, которые только предположительно могут быть относимы к Пушкину: в сборниках Каллаша есть ошибочные приурочивания к Пушкину. Излишним считали мы также включать, как это делал Каллаш, произведения, не имеющие прямого отношения к Пушкину, а только к окружению его: стихи о лицее, о пушкинской плеяде вообще и т. д. Таким образом мы старались брать

1) стихотворения целиком или отдельными строчками, говорящие о Пушкине или о его произведениях;

2) пародии на него и явные отклики стихами на стихи;

3) сознательные подражания, т. е. только те, которые в подзаголовках самими авторами обозначены как подражания.

Стихи, имеющие только эпитафии из Пушкина, но не являющиеся прямым раскрытием или оспариванием этого эпитафия, нами не брались на учет. Каллаш надеялся путем ряда дополнений достигнуть не относительной, но и почти абсолютной полноты материала. Наши дополнения отнюдь не претендуют на достижение этой конечной цели: это только очередной этап к ее достижению.

I

ПУШКИНУ

Счастлив любимец наслажденья,
Свободу в сердце утаив;
Счастлив причастник вдохновенья;
Ты, мой поэт! вдвойне счастлив.
Сама судьба ковром богатым
Тебе устлала жизни путь.
Любовь была твоим пенатом,
Веселий чистых ароматом
Дышала пламенная грудь.
Чтя неба волю роковую,
Ты беззаботно юность вел,
Хоть промысл тучу громовую
Вдруг на главу твою навел.
Ты злополучьем был украшен;
Гордись бедой своей, поэт!
Так год пожаров и побед
Сгромил верхи кремлевских башен;
Но снова годы тишины
Их красоте изумлены;
И пусть все в мире время косит,—
Тебе ль робеть? Ты свой удел
В стихах златых запечатлел:
Твоих веселий сердце просит,
Твоя печаль наводит грусть,
И девы помнят наизусть
Твои сердечные куплеты.
Как часто юные поэты,
Плетя на твой узор цветы,
Кончают рифмами твоими,
И рады б знать твои грехи,
Чтоб исповедываться ими.

Перцов

(Гос. Историч. Музей. Архив Киреевского, № 27.)

II

ЗНАМЕНИЕ 1837 г. Четверг.

На небе зрели ль вы багровое сиянье.
 Как бы кровавое огромное пятно,
 Глубокой язвы излиянье?..
 Над русскою землей краснелось оно.
 Сребристая звезда в том зареве сверкала
 Алмаза хладного безжизненным лучом,
 Как будто не живым огнем
 Она сияла;
 Маячила в багровой мгле
 Как пламень вечности у смерти на челе...
 На берегах Невы, внимайте плач и стон!
 Рыдает муза там, в обломках стонет лира.
 И Феб летит за небосклон,
 Скрывая скорбь от взоров мира.

К. Б.

Примечание автора. Пушкин ранен был перед самым закатом солнечным,
 а знамение это было за две недели.

(Из тетради стихов разных авторов конца 30-х годов.)

III

СОНЕТ

Где он, царь звуков вдохновенный,
 Сердец могучий чародей;
 Лучами славы озаренный,
 Блестящий гений наших дней.
 Певец Украйны возмущенной,
 Кавказа диких сыновей,
 И дев Тавриды отдаленной,
 Любви и неги и страстей.
 Его уж нег! Судьбы коварной
 Удар губительный и странный
 Сразил поэта в цвете лет.
 И только свиток песен дивных
 Волшебных, сладких, заунывных,
 Нам Пушкин передал в завет.

Кн. Крапоткин

(Из той же рукописной тетради конца 30-х годов.)

IV

К ПОРТРЕТУ ПУШКИНА

В болезненных чертах, страданьем заклеянных,
 Сверкает пламень дум летучих, вдохновенных
 И, трогательно полн высокой грусти, взор
 Льет, кажется, судьбе таинственный укор.
 Как звук, умолкнувший нечаянно и странно,
 Как пламень алтаря, потухнувший нежданно,
 Певец наш истинный, мгновенно ты угас
 И скрылся в мир другой, неведомый для нас.
 Ты был родным певцом великого народа,
 И голос твой шумел, как русская погода,
 Был горд и величав, как наши небеса.
 И в радугах сверкал и лился как роса;
 И снегу белого был чище, холоднее,
 Был громче, звонче льду и стали был острее.

Е. Милькеев

(Архив ИРЛИ 9669 LVIII, б. 9.)

V

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Нет поэта, рок свершился,
 Опустел родной Парнас,
 Пушкин умер, Пушкин скрылся
 И навек покинул нас!
 Север, север! Где твой гений?
 Где певец твоих чудес?
 Где виновник наслаждений,
 Где наш Пушкин? Он исчез!
 Да, исчез он, дух могучий,
 И земле он изменил.
 Он вознесся выше тучи
 И взлетел туда, где жил.

М. Степанова

(Из альбома, находящегося в Мурановском архиве).

Эти стихи вписаны в альбом Екатерины Федоровны Тютчевой, младшей дочери поэта от его первого брака, ее институтской подругой М. Степановой. Перед этими стихами переписано знаменитое стихотворение Лермонтова на ту же тему со следующей припиской: «C'est bien beau, Катиче, n'est ce pas? Mais un peu trop libre. Je veux t'écrire d'autres vers sur le même sujet, qui font justement contraste à ceux la» («Это прекрасно, Катинь, не правда ли? Но пожалуй чересчур вольнодумно. Мне хочется написать тебе другие стихи на ту же тему, но в совершенно противоположном духе»).

За сообщение этого стихотворения приносим благодарность К. Пигареву.

VI

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК

на могилу А. С. Пушкина
 (1837)

Тому назад одно мгновенье
 В сем сердце билось вдохновенье.

Пушкин

Еще на лире Аполлона
 Мгновенно квинта порвалась,
 Еще, приюченный у трона
 Поэт, пленитель душ, угас.
 О Пушкин! люта я стрела
 Таланта лет не пощадила,
 Смерть—достояние взяла,
 Ты спишь, тиха твоя могила...
 Но твой Руслан, твой Годунов,
 Фонтан, Онегин и Полтава,
 Как Этна чувств, как мыслей лава,
 Жить будут в памяти веков.

И. Су слов

(«Эхо берегов Сосны». Стихотворения
 И. Сулова. М., 1844, ч. II, стр. 70.)

VII

ФАНТАЗИЯ

(При известии о смерти А. С. Пушкина)

Не грустите, не смущайте
 Тяжкой скорбию сердца!
 Горьких слез не проливайте
 В память милого певца.
 Не любил он в жизни скуки,
 Хоть порою и грустил;

Но в последний час разлуки
 Нас улыбкой озарил.
 Ах, последуйте совету:
 У любимых лип и вод
 В память милому поэту,
 Соберемся в хоровод!
 И настроивши цевницы
 На коврах родных холмов
 Огласим приход денницы
 Песнью стройных голосов.
 Из неведомого света
 Пусть в укор судьбине злой,
 Тень утешится поэта
 Нашей радостью земной!
 Пусть узнают, что сердцами
 Свято чтим мы дружбы долг..
 Что весельем, не слезами
 Побеждаем злобный рок!..
 Нет, не вовсе небесами
 Взят от нас он... в сей стране
 Он бывает между нами
 Невидимкой на земле!
 На берега ль Днепровски холмы
 Наш направим скорый шаг,
 Где Владимир, счастья полный,
 Пировал Людмиллы брак?..
 За Кубань ли, где изменник
 Дышит мезтью Эльборус,
 Где страдал наш русский пленник
 От любви и рабских уз?
 В древни ль ханские гаремы,
 Где шумит любви завет:
 Смерть ревнивыя Заремы
 За Марию во след?
 В Бессарабские ли степи,
 Где Алеко кочевал,
 Где медведь могучий в цепи
 Пред Земфиною плясал?
 На поля ли русской славы,
 Где царя, отчизны друг
 Иль, в виду родной Полтавы,
 От изменнических рук?
 Торжествуем ли мы праздник,
 Иль у Лариных в гостях,—
 Всюду Пушкин, наш проказник!..
 И на Невских берегах
 Созерцает наши нравы,
 Поступь, речи, цвет лица,
 Быт искусственный, лукавый,
 И неверные сердца!..
 Где живем, где только дышим,
 Иль вкушаем краткий сон,
 Сердцем чувствуем и слышим—
 Пушкин с нами... всюду он!
 Не грустите ж, не смущайте
 Тяжкой скорбию сердца!
 Горьких слез не проливайте
 В память милого певца!
 Он пред смертию, без скуки,
 Дал улыбкой нам понять:
 После временной разлуки
 С ним увидимся опять!..

Примечание издателя к вышеприведенному стихотворению.

Хотя кн. П. И. Шаликов, в бытность у него Пушкина в доме, в 1826 году, в Москве, и рекомендовал заочно ему Лихачева, но видеться они не имели случая. Когда А. С. Пушкин посещал князя Шаликова, Лихачева у него не было, а когда последний приходил с тем, чтобы иметь счастье познакомиться с великим поэтом, к сожалению, его, Пушкина, тогда не было у кн. Шаликова. Однако ж, не взирая на то, Лихачев сильно сочувствовал Пушкину, и когда узнал о смерти Пушкина, горькими слезами почтил память его. Пушкин, как говорит сам Лихачев, однажды явился ему в сновидении.—С радушием и дружескою, светлою улыбкою, простирая к нему руку, он говорил: «о чем так сильно ты тоскуешь и плачешь, ведь мы с тобой не были знакомы? не были друзьями? Утешься, мой собрат! Мы скоро с тобой увидимся». Призрак исчез; и Лихачев проснулся в сильном волнении. При первом свидании он рассказал о том смоленским друзьям своим. «Тень великого поэта просит дани поминовения,— говорил ему один из них, Г. И. Станкевич,—напиши ему что-нибудь», и это стихотворение, вдохновенное сновидением, было тогда же написано.

(«Стихотворения унтер-офицера Егора Лихачева». Харьков, 1852 г.)

(Биографические сведения об авторе находятся в предисловии к данной книге.)

«Лихачев родился в 1807 году в деревне Каледеевой—Рожаново то же — (Ярославской губернии, Моложского уезда) от помещичьего крестьянина... ремеслом маляра по экипажной части. Оставшись сиротою на втором году своей жизни, он, в 1811 г., по приказанию владельца деревни г. Губина, был доставлен к нему. Как г. Губин не имел детей, то этот мальчик был для него и супруги его утешением, которому по возможности давали воспитание».

Наставник Лихачева был отставной фельдфебель, который «находил самым полезным для Лихачева упражнением записывание прихода и расхода по дому своего господина». Громадное значение для Лихачева имел проезд к помещику его племянника, только что окончившего московский университет. «Молодой Губин... подарил Лихачеву привезенный ему из Москвы курс словесности и сам руководил по нем Лихачева»... «Когда молодой Губин чрез несколько лет (1823 г.) приехал к своему дяде для празднования своего брака, Лихачев поднес ему оду». «Напрасен был восторг молодого Губина, возбужденный чтением оды; напрасны были убеждения посетителей дать даровитому мальчику дорогу к высшему образованию. Старый Губин... говорил, что ни за какие блага его от себя не отпустит». Помещику очевидно приятно было при случае прихвастнуть, что его крепостной, бывший у него чем-то вроде казачка, пишет стихи, как заправский поэт. «Слепушкин еще тогда не был там известен. Губин, как старый помещик, имел большой круг знакомых; был хлебосол; часто собирал роскошные дружеские беседы, среди которых нередко раздавалась лира его доморощенного певца. Разъезжая по соседям, он всегда брал с собою Лихачева, называя его своим лажем».

В 1826 г., во время коронации Николая I, Лихачеву пришлось быть в Москве. Здесь он имел случай познакомиться с П. А. Свиным, который с увлечением занимался тогда разыскиванием даровитых русских самоучек, и также с Шаликовым и профессорами Каченовским и Мерзляковым. «Свиньин подарил ему несколько номеров своих «Отечественных Записок», рассказал историю вывода им на сцену литературы Слепушкина, сделал ему несколько полезных наставлений и записал в своей памятной книге его имя, отчество и фамилию; князь Шаликов подарил Лихачеву полное собрание стихотворений г-жи Буниной и учебную книгу словесности, изданную тогда для воспитанников Московского университетского пансиона». В это же время чуть не познакомился Лихачев и с Пушкиным, которому о нем говорил Шаликов.

Дальнейшая биография Лихачева нам уже менее сейчас интересна. Отметим только, что вскоре после этого «господин его умер, не успев ничего сделать для обеспечения будущности своего «поэта». Лихачев вступил в военную службу»... В год смерти Пушкина он уже был унтер-офицером в Смоленске.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТИХОВ О ПУШКИНЕ

(1820—1840)

Дополнение к сборникам Каллаша

- 1) Булгарий Ф. Ну как рассеять горе Тани?
(Иронический пересказ в шести-стишии содержания VII гл. «Онегина», вставленный Булгариным в его рецензию на эту главу. — «Северная Пчела» 1830, № 35).
- 2) Б. И. Уехал друг!
...Есть роман—граф Нулин...
(Несколько строк о «Графе Нулине» И. Б. «Уехал друг». М., 1828, стр. 15).
- 3) Б. К. Знаменье (1837).
На небе зрели ль вы багровое сиянье?
(Стихотворение на смерть Пушкина. Рукопись. Альбом конца 30-х годов).
- 4) Великопольский И. А. С. Пушкину. Эпиграмма (1830).
Не говори, что я трясусь.
(Шукинский сборник. В. 10-й, М., 1912 г., стр. 360).
- 5) Великопольский И. Мое мщение (1838).
Собраньем разноцветных зол.
(Шукинский сборник. В. 10-й, М., 1912, стр. 361).
- 6) Великопольский А. С. Пушкину по прочтении некоторых из его сочинений (1828).
В пылу восторженных волнений.
(Шукинский сборник. В. 10-й, М., 1912, стр. 360).
- 7) Данилевский Н. Александр Пушкин (1837).
Свершился жребий неизменный.
(Эта «пародия на оду Пушкина «Наполеон» опубликована была Б. Модзалевским с рукописи в издании «Пушкин и его современники», вып. XXVIII, стр. 111—116).
- 8) Карцов Н. Семейство Комариных. Роман в стихах (М., 1834).
(Между прочим о воспевании «ножек» вслед за Пушкиным.)
- 9) Касьян Русский. Две гробовые жертвы. Рассказ о главе VI с эпиграфом.
Ее пленительные очи,
Яснее дня, чернее ночи.
Пушкин.
Была маркиза молодая...
(О Пушкине между прочим в связи с «женскими ножками» «Две гробовые жертвы». Рассказ Касьяна Русского. М., 1834, стр. 21.)
- 10) Козлянинов А. Предисловие. Жуковский, Батюшков, Воейков, Пушкин юный.
(Одно из самых ранних упоминаний (в стихах) о Пушкине рядом с Жуковским и Батюшковым.
«Урывки времени». Собрание сочинений Андрея Козлянинова. СПб., 1820, стр. III.)
- 11) Кольцов А. Соловей. Подражание Пушкину (1831).
Пленившись розой, соловей.
(Каллаш не отказывался от включения в свои сборники и таких стихотворений, которые имеют авторское обозначение: подражание Пушкину, как например «Мой демон» Великопольского, но пропустил стихотворение с таким же обозначением Кольцова.
Вошло в «Стихотворения А. Кольцова», 1846.)
- 12) Косяровский И. Именины. Отрывок из поэмы.
Пусть Ольга Пушкина румяна.
(Обещание реабилитировать перед читателями Пушкина Ольгу Ларину.— «Северный Меркурий» 1831, № 28, стр. 115.)
- 13) Кропоткин Д., кн. Сонет (1837).
Где он, царь звуков вдохновенных.
(Стихотворение на смерть Пушкина. Рукопись.)
- 14) Лермонтов. Казначейша.
Пишу Онегина размером,
Пою, друзья, на старый лад...
(Напечатана впервые в «Современнике» 1838, т. XI, № 3.)
- 15) Лихачев Е. Фантазия. (При известии о смерти Пушкина) (1837).
Не грустите, не смущайте...
(«Стихотворения унтер-офицера Егора Лихачева». Харьков, 1852, стр. 47—50.)
- 16) Медведенко Н. Сатира.
Маляр наш славный, пан Хвостин...
(Басня о маляре, начавшем писать стихи: «Авось я Пушкина России заменю». — Вадемекум. Стихотворения Н. Медведенко. М., 1839, стр. 94—95.)

- 17) Медведенко Н. Песня.
На бале встретил Катеньку.
(О Пушкине в связи с описанием женских ножек.—Вадекеум. Стихотворения Н. Медведенко. М., 1839, стр. 113—115.)
- 18) Милькеев Е. К портрету Пушкина.
В болезненных чертах, страдавшем
заклейменных.
(Рукопись. Бумаги Милькеева. Архив ИРЛИ.)
- 19) Муравьев Н. Котильон. Глава из романа «Ленин».
«Как Ленский Пушкина живой.
(Упоминание о Ленском.—«Котильон, глава первая из стихотворного романа Ленин, или жизнь поэта» Н. Н. Муравьева. М., 1829, стр. 43.)
- 20) Перцов П. Пушкину.
Счастлив любимец наслажденья.
(Рукопись. Гос. Ист. Музей. Архив Киреевского, № 27.)
- 21) Полежаев А. Сашка (1825—1826).
Мой дядя, человек сердитый...
(Подражание первой главе «Онегина», местами переходящее в пародию.
«Стихотворения Полежаева» под ред. Ефремова. СПб., 1889, стр. 445—473.)
- 22) Полежаев А. Эрпели (1830).
(Упоминание о Пушкине как певце Кавказа.
«Эрпели» и «Чир-Юрт». Две поэмы А. Полежаева. М., 1832.)
- 23) Полежаев А. К друзьям (1830—1831).
«Я пережил мои желанья»
Я должен с Пушкиным сказать...
(Сочувственное цитирование строк Пушкина о балах «люблю я бешеную младость» и т. д.
«Стихотворения Полежаева» под ред. Ефремова. СПб., 1889, стр. 76.)
- 24) Пушкин В. Капитан Храбров (1821—1829).
(Упоминание о Татьяне Лариной. Сочинения В. Л. Пушкина. Прил. к ж. «Север», СПб., 1893, стр. 110.)
- 25) Соловьев Ф. Издатели альманаха (1829).
Нам нужны Пушкин, Баратынский.
(Разговор об издании альманаха.
«Полярная Звезда». Карманная книжка на 1832 г. М., 1832, стр. 6.)
- 26) Соловьев Ф. «Московский пленник». Повесть в стихах.
В обширных комнатах, на стульях.
(Пародия на «Кавказского пленника».
- «Московский пленник». Повесть в стихах Ф. С. М., 1829; ранее «Атений» 1829, IV, 316.)
- 27) Станкевич Н. и Мельгунов. «Калмыцкий пленник». Отрывок из романтической поэмы (1832).
Этьен и бледный и печальный.
(Пародия на «Кавказского пленника» Н. В. Станкевича. Стихотворения, трагедия, проза. М., 1890, стр. 31—32; ранее «Молва» 1832, стр. 297—298.)
- 28) Степанова М. На смерть Пушкина.
Нет поэта; рок свершился.
(Рукопись. Альбом Е. Тютчевой в Мурановском архиве.)
- 29) Сулов И. Старина сновыми противоположностями. III.
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши.
Пушкин.
Надо б грянуть эпиграмму,
А ей пишут мадригал.
(Шуточное стихотворение. Сравнение старого века с новым. «Эхо берегов Сосны». Стихотворения И. Сулова. М., 1844, ч. II, стр. 14.)
- 30) Сулов И. Укор ревнивцу
Держишь все про Черномора
Давний Пушкина рассказ.
(Это стихотворение, как и предыдущее, взято нами из книги, изданной в 1844 г., но по некоторым данным написано было вероятно до 1840 г.
«Эхо берегов Сосны». Стихотворения И. Сулова. М., 1844, ч. I, стр. 115.)
- 31) Сулов И. Полевой цветок на могилу Пушкина (1837).
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье.
Пушкин.
Еще на лире Аполлона.
(«Эхо берегов Сосны». Стихотворения И. Сулова. М., 1844, ч. II, стр. 70.)
- 32) Суханов М. Розовый куст и пустоцвет. Басня.
На берегу прозрачного ручья.
(Басня, осмеивающая бездарных подражателей Пушкина. Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова. СПб., 1828, стр. 20—21.)
- 33) Толстой Ф. (Американец).
Эпиграммы на Пушкина.
Сатиры нравственной язвительное жало.
(«Литературная Мысль». П., 1923, стр. 237—238.)

- 34) Трилунный. Онегин и Татьяна, или прерванное свидание. Комедия водевиль. (Отрывки.) (Стихотворения Трилунного. Альманах на 1830 г., ч. I, стр. 89—112.)
- 35) Ч. А. Эпитафия Пушкину (1837).

Где Пушкин наш?

(Рукописное четверостишие. Видеть не удалось. По некоторым предположениям должно было быть в «Остафьевском Архиве».)

Стихи анонимных авторов.

- 36) Разговор книгопродавца с поэтом (1826).

Автор: И хоть совсем не Пушкин я...

(Разговор этот помещен в начале книги «Евгений Вельской». Роман в стихах. Глава I. М., 1828, стр. I—XI. Каллаш использовал только одно место о Пушкине на стр. V—VII, тогда как на последующих страницах встречаем еще несколько мест о Пушкине и его романе. В виду этого указываем это произведение как дополнение.)

- 37) Евгений Вельской. Роман в стихах. Глава первая (стр. 1—44). М., 1828.
«Подвинь свой стул ко мне, Евгений». (Эта пародия-подражание «Онегину»

совершенно не исследована Каллашом, кроме вышеуказанного «Разговора».)

- 38) Евгений Вельской. Роман в стихах, глава II и III. М., 1829.

«В Москве и за Москвой рекою».

(Эти главы, в которых несколько раз говорится о Пушкине, например на стр. 42 и 44, повидимому остались совсем неизвестны Каллашу и использованы им не были.)

- 39) Иван Алексеевич или Новый Онегин. Глава первая. Воспитание.

Все тут есть и о преданьях...

(Пародия на первую главу «Онегина». — «Галатей» 1829, VII, стр. 146. Подпись: «Неизвестный».)

- 40) На смерть Пушкина (1837).

Прости, жена, моей могилы

(Отрывки из стихотворения цитируются в статье И. Шляпкина «Заметки о Полежаеве». — «Русский библиофил» 1913, № 3, стр. 95.)

- 41) На смерть Пушкина (1837).

На встречу двое шли...

(«Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII. П., 1915, стр. 400—401. Из Архива Вревской).